

И. В. КОЩИЕНКО

ЭПИГРАФЫ В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ НИКОЛАЯ КУРГАНОВА

Среди немалого количества учебных пособий, написанных и переведенных профессором математических и навигатских наук Николаем Гавриловичем Кургановым, выделяется целый ряд книг, неотъемлемой частью которых является эпиграф. Первым опытом, послужившим стимулом для дальнейшего постоянного обращения к этому компоненту текста, стала «Российская универсальная грамматика» (1769).¹ Эта книга, по содержанию не соответствующая основному роду занятий Курганова, многие десятилетия оставалась значительным в своей области трудом.

Первое издание «Грамматики» открывал латинский эпиграф:

*Clericus es! legito haec. Laicus! legito ista libenter.
Crede mihi, invenies hic quod uterque voles.*

D. Collis

На титуле второго издания 1777 г., давшего пособию его общепринятое название «Письмовник»,² стоял «таковой замысловатый», как назвал его В. Г. Белинский,³ эпиграф, представлявший собой уже перевод латинских строк:

*Духовной ли, мирской ли ты? Прилежно се читай:
Все найдешь здесь, тот и другой; но разуметь смекай.*

¹ Полное название: «Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей» (СПб., 1769).

² «Книга Письмовник, а в ней Наука российского языка с семью присовокуплениями, разных учебных и полезно-забавных вещесловий».

³ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1979. Т. 6. С. 682.

Долгое время оставался неизвестным загадочный автор первоначального варианта эпиграфа. Александр Иванович Кирпичников в статье 1903 г. «Курганов и его „Письмовник“» указывал, что фамилия автора расшифровывается, «вероятно, д-р Коллинз».⁴ Прояснил ситуацию Павел Наумович Берков: Курганов привел «одно из стихотворных посвящений Оуэну,⁵ которыми, по тогдашнему обычаю, друзья приветствовали поэта еще до выхода его книги в свет. Такие стихотворения печатались в самом начале книги;⁶ Курганов выбрал первое из них. Подписанное инициалами „D. Du. Tr. Med.“...».⁷ Для сравнения Берков дал более точный перевод двустушия, отметив, что перевод Курганова, ставший эпиграфом для второго издания «Письмовника», выполнен «довольно топорно»:

Клирик ты? Это прочти. Мирянин? Прочти тем охотней.
Верьте мне: тот и другой, что им по вкусу, найдут.⁸

Еще на рубеже XVII—XVIII вв. многочисленные эпиграммы Оуэна стали предметом перевода Ивана Величковского, малоизвестного украинского поэта. У него отыскивались и рассматриваемые строки, к которым перевод Беркова весьма близок:

До чительника
Мних ли еси? Чти сия. Мирский ли? Чти ова:
суть zde и духовные, и мирские слова.⁹

Курганов, так же как и Ломоносов, не могли знать об этих переводах, опубликованных уже в наше время. Они практиковались в своих знаниях латинского языка.

Итак, автором латинских строк является один из друзей Джона Оуэна, расшифровать инициалы которого, к сожалению, не

⁴ Кирпичников А. И. Очерки по истории новой русской литературы. М., 1903. Т. I. С. 54.

⁵ Джон Оуэн, или в латинизированной форме Аудоэнус (Audoënus) — один из наиболее популярных новолатинских поэтов XVII—XVIII вв. Скорее всего, Курганов обратил внимание на эпиграммы Оуэна, когда работал под руководством Ломоносова. В «Письмовнике» были анонимно перепечатаны эпиграммы Оуэна «Пророки, поэты», «Смерть» и некоторые другие в переводе А. Дубровского и самого Курганова (см.: Берков П. Н. Литературные интересы Ломоносова // Литературное творчество М. В. Ломоносова : Исследования и материалы. М.; Л., 1962. С. 49—53).

⁶ Почти все издания неолатинских поэтов имели стихотворные посвящения или обращения к читателям.

⁷ Берков П. Н. Литературные интересы Ломоносова. С. 53.

⁸ Там же.

⁹ Иван Величковский. Твори. Київ, 1972. С. 150.

представляется возможным.¹⁰ Курганов, подписав латинский эпитаф вымышленным именем «D. Collis», мистифицировал читателя. Перевод данной фразы стал эпитафом для всех последующих, начиная со второго, изданий книги.¹¹ Отказ от латинского эпитафа мотивирован, возможно, допускаемой нами следующей позицией автора: грамматике русского языка надлежит открываться эпитафом на родном языке. Книга Николая Курганова отвечала запросам широкого читателя и давала полный первоначальный круг знаний и круг чтения для малограмотного человека.¹² Этот аспект также мог повлиять на отказ автора от эпитафа на латинском языке, считавшимся со времен средневековья «продуктом высокой „учености“». ¹³ Белинский писал о «Письмовнике»: «Он не был приурочен к понятиям или потребностям какого-нибудь класса общества, но был издан как книга веселая, с рассказами и анекдотами, и полезная, с чем-то вроде энциклопедического изложения некоторых знаний...».¹⁴ Эпитаф ориентировал на такую «бесклассовость» («Духовной ли, мирской ли ты?») и масштабность включенного материала («Все найдешь здесь, тот и другой...»).

При сравнении переводов стихотворного посвящения, выполненных Берковым и Кургановым, у последнего обнаруживается

¹⁰ Неолатинских поэтов было около 700, большинство из них предпочитали скрывать свое имя под инициалами или вымышленными именами. В сборнике «Неолатинская поэзия» в разделе «Стихотворения, посвященные изданиям эпитаграмм Джона Оуэна» данное двустишие напечатано без указания автора (Неолатинская поэзия: Избранное / Пер. с лат.; Вступ. статья, примеч. Ю. Шульца. М., 1996. С. 382):

А н о н и м

Клирик ты? Это прочти. Коль мирянин, читай себе вволю;
Верь мне, ты здесь обретешь, что им двоим подойдет.

¹¹ 2-е (1777), 4-е («Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезно-забавного вещесловия. Четвертое издание, вновь выправленное, приумноженное и разделенное в две части»; 1790) и 5-е (1793) издания выходили с изменениями и значительными дополнениями Курганова; в 8-м (1809) издатели добавили раздел «Неустрасимость духа, геройские подвиги и примерные анекдоты русских и иностранных великих мужей и прочих особ»; 10-е (1831) и последнее 11-е (1837) опубликованы с цензурными купюрами. В 1790 г. «Письмовник» был перепечатан Иваном Петровичем Глазуновым (3-е изд.) без ведома Курганова, что вызвало большое недовольство его составителя.

¹² Например, А. С. Пушкин в «Истории села Горюхина» упоминает о ней в числе обязательных деталей, характеризующих русскую глубинку (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: Т. 1—16. М.; Л., 1937—1949. Т. 8. С. 127).

¹³ Косиков Г. К. Средние века // История французской литературы: Учебник / Сост. Л. Г. Андреев, Н. П. Козлова, Г. К. Косиков М., 1987. С. 96.

¹⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 12 т. М., 1953—1956. Т. IX. С. 301.

«лишний» текст: «разуметь смекай». Курганов сместил смысловой акцент на эти добавленные от себя слова «разуметь смекай», тем самым подчеркивая познавательный, обучающий характер книги. Нужно заметить, что на Руси существовала книжная традиция подчеркивать необходимость сознательного постижения читаемого — «умом *разумети* словесе»¹⁵ (курсив наш. — *И. К.*), и в предисловии к московскому изданию «Грамматики» Мелетия Смотрицкого¹⁶ отмечено: «Разумевше ли, и постигшее глаголете; или не разумееше, и не постигше» (глагол «разуметь» в самых разных его словоформах часто употребляем в этом предисловии). Вот и Курганов, учитывая опыт этой первой подробной грамматики церковнославянского языка, решил следовать древним «законам», вынеся вопрос об осмысленности чтения на первый план, то есть на титульный лист. Подобная установка не случайно включена в главный эпиграф ко всей книге: «Письмовник» насыщен множеством примеров, облегчающих усвоение, «уразумение» грамматических правил.

Под переведенным двустигмией мистифицирующая подпись (*D. Collis*) отсутствует: в качестве одной из возможных причин снятия авторства, пусть и ложного, может учитываться проявленная самостоятельность переводчика, необходимая для уточнения задач «Письмовника».

¹⁵ А. А. Бахтиаров обратил внимание, что «в древних рукописных псалтырях встречается особый „указ“ или правила, как читать псалтырь: „Зри, внимай, разумей, рассмотри, памятуй, как псалтирь говорити. Первое — что говорити; второе — всяко слово договаривати; третье — на строках ставитися; четвертое — умом разумети словесе, что говорити; пятое — пословицы знати, да и памятовати, как которое слово говорити: сверху слово ударити голосом, или прямо молвити, слово поставити. <...> А весь сей указ умом, да языком, да гласом держитися и красится во всяком человеце и во всяких пословицах книжных“» (*Бахтиаров А. А.* История книги на Руси. М., 1890. С. 55). Инок Евфросин, к примеру, в «Сказании о различных ересех и хулениях на Господа Бога и на Пречистую Богородицу ...» (XVII в.) взывает: «Бога ради молим, внимайте разумно».

¹⁶ Первое издание вышло в 1619 г. в Евье (близ Вильны). В 1648 г. «Грамматика» М. Смотрицкого была переиздана в Москве без имени автора и несколько отредактирована справщиками Московского печатного двора Михаилом Роговым и Иваном Наседкой с учетом особенностей живой славянской речи (см.: Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подгот. текста, науч. коммент., указатели Е. А. Кузьминовой. М., 2000. С. 17). Возможно, что ими же было составлено предисловие, позднее выходящее и отдельной книжкой, см., например, издание 1782 г.: «Предисловие ко Грамматике славенской, напечатанной при Иосифе патриархе, в котором содержится: О пользе грамматики, о нужде чтения Священного Писания, о необходимости исправления книжного, со многими другими душеполезными наставлениями, собранными из различных сочинений Святых Отец и Церковных учителей; с присовокуплением известия о первом издании сея книги».

На обороте титула были напечатаны еще пять эпитафов, содержащих авторитетные мнения о пользе науки грамматики:¹⁷

.....Суть же убо слова (речи) частей осмь елика глаголем и пишем, внеже сих ничто же есть, и неможно слова изъяснити без сих.

Якоже рече Иоанн святыи Дамаскин

Грамматика есть знание как писать и познавать читаемое, и она есть всех наук основание.

Аристотель в книге VII, Топиков

Грамматика есть дражайшее паче иных свободных наук знание.

Виргилий в книге I, в главе 7, о изобретателях вещей

Тупа Оратория, косноязычна Поезия, неосновательна Философия, неприятна История, сомнительна Юриспруденция без Грамматики.

М. Ломоносов

*Нельзя чтоб тот себя письмом своим прославил,
Кто грамматических не знает свойств, ни правил.*

В Епистоле II, А. Сумароков

Первые три эпитафа имеют общее происхождение: они вычитаны Кургановым в «Грамматике» Федора Поликарпова-Орлова (1721), перепечатавшего с незначительными изменениями труд Смотрицкого. В «Предисловии любомудрому читателю» этот проницательный издатель отмечал, что без знания «осмочастного чинорасположения» «не мощно своего совершенства получитьи» и «высоту и глубину книжной премудрости <...> без приличного ей орудия не возможно разумети. А тако не ложна суть глаголемая, свидетельствует премудрый *Аристотель в книге шестой топиков*, сице пишуш. *Грамматика есть ведение еже писати и познавати читаемое.*

И паки: *Грамматика есть всех наук основание.*

¹⁷ В четвертом издании 1790 г. пять эпитафов о грамматике отсутствовали (как и общее приношение и вступление от автора), потом (с 1793 г.) появились снова. В изданиях, вышедших после смерти Курганова (1796), начиная с седьмого, стали печататься после «Приношения общего» и «Предисловия» непосредственно перед «Оглавлением Первой части». «Письмовник» в четвертом издании получил свое окончательное название: «Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавного вещесловия» (СПб., 1790), был разделен на две части, каждая из которых предварялась одним и тем же переводным (с латинского) эпитафом. В части второй, посвященной литературе и науке, эпитафы о грамматике не перепечатывались.

И Полидор Виргилий в книге 1 в главе 7, о изобретателе вещей, глаголет. *Грамматика есть дражайшее паче иных свободных наук знание*. Понеже прочих наук едино есть основание. Убо сие учение, паче всех преславнее есть: ибо показывает путь к прочим вниманию. И ниже к единой вещи совершенств, разве предыдущим началом прийти возможно есть». ¹⁸ Через несколько строк упоминается «великий святой Церкви восточной богослов, Дамаска паче же вселенский светильник святой Иоанн», однако в предисловии представлена только первая часть фразы, ставшей одним из эпиграфов «Письмовника»: «Суть же убо слова частей осмь елика глаголем и пишем, внеже сих ничто же есть». Финал этих слов Дамаскина весьма гармонично вплетен в заключительную часть «Грамматики» 1721 г. — своеобразное наставление тем, кто уже усвоил ее правила: «... и роды разбирай, и виды указуй, и числа сказуй, и начертания убавляй <...> и падежи узнавай, и склонения не забывай, и залогии и времена рассуждай, и качества расписывай <...> аще хочещи известну ведати осмочастный разум: вне бо сих ничто же есть и немощно слова изъяснити без сих. Якоже рече Иоанн святой Дамаскин». Курганов объединил две половинки одного целого, которые действительно являются единым текстом.

Слова «Суть же убо слова (речи) частей осмь елика глаголем и пишем, внеже сих ничто же есть, и немощно слова изъяснити без сих» встречаются в трактате «О осми частех слова», который с XIV в. без имени автора предварял в большинстве списков «Диалектику» Иоанна Дамаскина. ¹⁹ Позднее эти сочинения объединялись авторством Дамаскина под названием «Осьмочастие» или «Книга философская...». ²⁰ Приписывание трактата этому

¹⁸ Грамматика: Повелением благочестивейшего великого государя нашего царя, и великого князя Петра Алексеевича, всей великой, и малой, и белой России самодержца... Напечатана книга сия грамматика в царствующем великом граде Москве справщиком Федором Поликарповым... От рожества по плоти бога слова, 1721. <С. 4>. Курсив в этой и нижеследующей цитате наш. — И. К.

¹⁹ Общее число сохранившихся списков «Диалектики» Иоанна Дамаскина превышает 150. В некоторых списках трактат следует за «Диалектикой» или отсутствует (крайне редко). См.: *Гаврюшин Н. К.* О ранних списках славяно-русской «Диалектики» // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 45. М., 1986. С. 279—284. См. также: *Гаврюшин Н. К.* 1) «Диалектика» Иоанна Дамаскина на Руси // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность: Сб. науч. тр. Киев, 1987. С. 74 — 79; 2) Митрополит Даниил — редактор «Диалектики» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1988. Т. XLI. С. 357—363; *Жуковская Л. П.* Барсовский список грамматической: сочинения «О восьми частях слова» // Східно-слов'янськи грамматики XVI—XVII ст. Київ, 1982. С. 29—51.

²⁰ В восточнославянском списке начала XVI в. она называлась «Книга святого Ивана Дамаскина философскаа об осмих частех слова, преводе же еа

богослову в условиях господства религиозной идеологии сыграло позитивную роль в его распространении, ведь грамматическое искусство освящалось одним из авторитетных христианских авторов.²¹ В те времена грамматика почиталась еще не наукой, а «свободным художеством» или «свободной мудростью».²² Таких свободных мудростей, по средневековой традиции, насчитывалось семь: грамматика, диалектика, риторика, мусика (музыка), арифметика, геометрия и астрономия. Грамматика была первой из них, она открывала дорогу ко всем остальным «художествам».

В анонимной «Грамматике» фраза, представленная у Поликарпова, имеет несколько иной вид. Воспроизведем ее по Синодальному (Царскому) списку: «Кроме бо сих изъяснити о них же слово немощно. Соуть же убо слова частей осмь, елика глаголем и пишем, вне сих ничто же есть».²³ В «Грамматике» 1721 г. предложения поменяны местами: цитата начинается со второго суждения, представленного без изменений, а первое становится заключительной частью, где перестановка слова «немощно» смещает на него смысловое ударение: «...и немощно слова изъяснити без сих». Достаточно вольное обращение с текстом Дамаскина (Поликарпов, без сомнения, считал эти слова принадлежащими великому святому) «оправдано» следующим образом: Поликарпов не указывает конкретный источник цитаты, как в случае с Аристотелем или Полидором Вергилием, а заканчивает его так: «Якоже рече Иоанн святой Дамаскин» («Как говорил святой Иоанн Дамаскин»). Такая форма подачи может свидетельствовать о воспроизведении цитаты по памяти. Помня, что книга Поликар-

Иван пресвитеръ, ексархъ болгарский, от еллинскаго языка въ словенский» (Калайдович К. Ф. Иоанн Эксарх Болгарский. М., 1824. С. 167). См. также: Гаврюшин Н. К. О ранних списках славяно-русской «Диалектики». С. 281—282.

²¹ Как гораздо позже отмечал в «Предуведомлении к читателю» издатель «Предисловия к Грамматике славенской...» М. Смотрицкого (М., 1782), чтение подобных книг «не попустило меня более сомневаться и слушаться ложных учителей, а остаться при своей родившей духовной матери, Святыя соборныя Апостольския Восточныя и Великороссийския церкви, в которой и ныне нахожусь, благодатию Христовою, без всякого сумнения». И все-таки среди причин, побудивших издателя М. К. А. С. к переизданию «Предисловия», помимо душевной пользы и удовольствия, названа и такая: «...отразить мнение людей невежд, опровергающих оное учение» (С. <I>), то есть грамматику, что свидетельствует о недостаточном ее распространении и понимании значения этой науки и во второй половине XVIII в.

²² Одним из классических древнерусских сочинений является «Сказание о семи свободных мудростях». В 1672 г. переводчик Посольского приказа Николай Спафарий переработал это «Сказание» в «Книгу избранную вкратце о девяти музах и семи свободных художествах».

²³ Великие Минеи-Четии. Вып. 10. Дек., дни 1—5. СПб., 1901. Стб. 294.

пова — это «новопечатное грамматическое издание» «Грамматик» Мелетия Смотрицкого, исследование не могло не обратиться к московскому изданию последней 1648 г. В предисловии к ней, рассказывающем об известных составителях «Грамматик», обнаружился небольшой отрывок из трактата «О осми частех слова», включающий в себя и рассматриваемый фрагмент, совпадающий здесь с Синодальным списком. Эта цитата приписана Дамаскину, а его философский труд анонимный автор предисловия упоминает без наименования. Скорее всего, поэтому Поликарпов, опиравшийся на это издание, а следом и Курганов не могли полностью атрибутировать фразу, указав только имя автора.

Источник следующего эпиграфа («*Грамматика есть знание как писать и познавать читаемое, и она есть всех наук основание*») назван достаточно точно: «Аристотель в книге VII, Тописков». Однако у Поликарпова указана шестая книга. Может быть, Курганов смог уточнить источник цитаты? «Тописка» — последний трактат, входящий в сводку логических трактатов Аристотеля под названием «Органон». «Топику» называют «учением о нахождении доказательств по любому вопросу»,²⁴ «руководством по проведению диспутов»,²⁵ в ней изложена «не отвлеченная логика чистого разума, но конкретная логика самого обыкновенного человеческого общения».²⁶ В книге VII аристотелевской «Тописки» схожая с эпиграфом фраза не обнаружена. А восьмая глава книги VI содержит близкие по смыслу строки, соотносимые с первой частью высказывания, заключительный же вывод о грамматике как «основании» для всех наук в ней отсутствует. Считаем необходимым дать эти строки в небольшом контексте: «...знание есть постижение того, что познается, а желание — стремление к благу. Точно так же — если *грамоту определили бы как знание письменности* (курсив мой. — И. К.), ибо в определении следовало бы указать или то, с чем соотносится определяемое, или же то, с чем соотносится его род».²⁷ В своем трактате Аристотель обращался к понятиям «грамматика», «граммота» или «знание» для примера, соотнося свою терминологию с доступным в практическом отношении материалом.

Несомненно, во все издания «Письмовника» вкралась ошибка, незамеченная Кургановым: начальная часть фразы относится к шестой книге, как и указывал Ф. Поликарпов, владевший

²⁴ Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 644.

²⁵ Там же. С. 645.

²⁶ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. IV : Аристотель и поздняя классика. М., 1975. С. 716.

²⁷ Аристотель. Сочинения. Т. 2. С. 480. В этой книге «Тописка» на русском языке публикуется впервые. Перевод М. И. Иткина.

греческим языком, подтверждением чего явился знаменитый «Лексикон трехязычный» (1704). С большой долей уверенности можно утверждать, что Поликарпов опирался на оригинальный текст. Н. Курганов, как переводчик, имевший постоянный опыт во французском, немецком, английском и латинском языках, этого древнейшего языка не знал, но мог быть знаком с «Топикой» Аристотеля в латинском комментированном переводе,²⁸ хотя практически дословное цитирование отрывка из «Предисловия» 1721 г. делает маловероятным это предположение. Курганов, позаимствовав переведенные Поликарповым строки из Аристотеля, объединил их, как и в случае с Дамаскиным. Строка «Грамматика есть всех наук основание»²⁹ у Поликарпова выделена абзацем и начинается со слов «и паки» («и еще»), то есть фрагменты разграничены графически: возможно, это указывает на принадлежность их разным источникам. Однако вторую часть эпиграфа не удалось выявить ни в «Топике» (как и в «Органоне» в целом), ни в других книгах древнегреческого философа, в том числе «Поэтике», «Риторике» и «Категории», где предмет излагаемого касался и этой науки. Скорее всего, мы имеем дело с особенностями видения его философии и прочтения текстов. Дело в том, что у Аристотеля, по мнению А. Ф. Лосева, «грамматика, логика, диалектика и риторика понимаются как единое целое, как постепенное конструирование мыслительно-языковых принципов».³⁰ Во времена Аристотеля грамматика, будучи учением о буквах, не могла предоставить никакого материала для диалектики, ее развитие находилось на начальной стадии развития. Философ относил грамматику к риторике и поэтике, не предоставляя ей самостоятельного места в ряду наук. Следовательно, в его трудах вряд ли могло содержаться подобное определение.

Вступление к своей книге «О азбуке и о грамматике вообще» Курганов начинает со строк: «Грамматика есть знание, как

²⁸ До XII в. «Топика» Аристотеля была известна преимущественно по переводу и комментариям Бозция (VI в.), в 1128 г. трактат перевел Яков из Венеции. Трактат «Топика» в России не переводился и не излагался (вплоть до конца XIX в.). П. Г. Редкин в 1891 г. обстоятельно изложил содержание «Топики», снабдив его собственными обширными переводами. См.: *Редкин П. Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще.* СПб., 1891. Т. 6. С. 1–45.

²⁹ Подобная оценка звучит и в русском азбуковнике конца XVI в.: грамматика — «основание и подошва всем свободным хитростям» (наукам и искусствам. — *И. К.*). Цит. по: *Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса.* М., 1958. С. 12.

³⁰ *Лосев А. Ф. Средневековая диалектика* // www.philosophy.ru/library/losef/dial.html

говорить и писать правильно,³¹ то есть по свойству и лучшему употреблению языка. Сие слово произошло от греческого *Грамма* значащего *писмена* или *буквы*; и так Грамматика есть наука о свойствах и о употреблении букв».³² Это определение при сравнении с церковнославянским вариантом³³ обнаруживает большую основательность, ведь уже существовал труд М. В. Ломоносова.³⁴ Однако ориентация на «Грамматику» 1721 г. осталась, где в разделе «Что есть грамматика» читаем: «Грамма с эллинского писмо или писание глаголется, первую в седмих наук свободных в научение православным...». Нельзя не заметить близость этого толкования с цитатой из Полидора Вергилия Урбинского (1470—1555),³⁵ также перекочевавшей со страниц «Предисловия любомудрому читателю» на оборот титула «Письмовника»: «Грамматика есть дражайшее паче иных свободных наук знание. Виргилий³⁶ в книге I, в главе 7, о изобретателях вещей».

Трактат «Об изобретателях вещей», написанный на исходе XV в. (1499), долгое время был наиболее авторитетным энциклопедическим изданием по различным вопросам изобретений, открытий, происхождения культурных и социальных явлений, представляя собой попытку классификации наук. Эта книга была впервые переведена на русский язык и издана по распоряжению Петра Первого в 1720 г. Именно это только появившееся издание нашло отражение в предисловии Федора Поликарпова, выбравшего стержневую фразу следующего фрагмента седьмой главы: «Прилично мнится быти, да писмен описавшее начало донельже

³¹ В первом издании вместо слова «правильно» стояло «исправно» (*Курганов Н. Г.* «Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие». СПб., 1769. С. 3.)

³² *Курганов Н. Г.* Книга Письмовника... СПб., 1777. С. 3.

³³ Грамматика у Мелетия Смотрицкого «есть известное художество благо и глаголати и писати учащее» (1619). В свою очередь он опирался на работу Лаврентия Зизания («Грамматика словенска совершенна искусства осмии частей слова и иных нуждных»; Вильна, 1596), у которого грамматика «есть известное вежество, еже благо глаголати и писати» (Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. С. 135; 33).

³⁴ Ср.: Формулировка, данная Ломоносовым в § 86 «Российской грамматики»: «Довольно для краткости будет знать, что общая грамматика есть философское понятие всего человеческого слова, а особливая, какова российская грамматика, есть знание, как говорить и писать чисто российским языком по лучшему, рассудительному его употреблению» (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 420).

³⁵ Итальянский ученый, богослов, историк, гуманист первой половины XVI в. родом из Урбино. Значительную часть жизни прожил в Англии.

³⁶ Позднейшее неправильное написание; англ. Polydore Virgil либо Vergil; лат. Polydorus Vergilius.

ко истолкованию иных вещей приступлю, о начале грамматики возглаголю, сиесть еже *дражайшее есть паче иных свободных наук знание*. *Понеже прочих учений едино есть основание* (курсив мой. — И. К.). И имя взя от писмен, понеже грамма, гречески, письма, именуется». ³⁷ Курганов взял в эпитаф только первую часть выделенной курсивом фразы, очевидно посчитав следующее за ним утверждение повторяющим слова Аристотеля: «Грамматика есть основание для всех наук».

В предисловии Николай Курганов указал, что подражал «славянским и чужестранным писменарям». В случае с грамматикой Мелетия Смотрицкого, переизданной Ф. Поликарповым (а именно это издание было наиболее доступно читателю второй трети XVIII в.), особенно заметным оказывается влияние предисловия, ставшего источником обильного цитирования.

Основной раздел «Письмовника» — «Грамматика» — составлен по «Российской грамматике» (1755) М. В. Ломоносова. ³⁸ Курганову, по его собственному признанию в предисловии, эта книга «показалась трудною» для обучения своих детей, поэтому он был «принужден <...> преобразить» ее, создав «для научения юношества» собственное пособие. О своем «учителе» Курганов постоянно напоминал: цитировал его стихи, произведения, привлекал материалы биографии, высказывания и в первую очередь вписал его имя среди авторов эпитафов: «*Туа Оратория, косноязычна Поезия, неосновательна Философия, неприятна История, сомнительна Юриспруденция без Грамматики*. М. Ломоносов». Цитата взята из вступления к «Российской грамматике», где Ломоносов заявил о неисчислимых богатствах и возможностях русского языка: «И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать должен»

³⁷ *Полидор Виргилий Урбинский*. Осмь книг о изобретателях вещей. Переведены с латинского на славенороссийский язык в Москве, и напечатаны повелением Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Первого Всероссийского Императора. 1720, 5 мая. С. 26.

В 1782 г. Н. Новиков издает свой перевод книги «О первых изобретателях всех вещей». Приведем для сравнения этот же фрагмент седьмой главы «О начале Грамматики, и сколь оная наука важна»: «...прилично кажется, чтоб предложив о начале писмен или букв, прежде нежели к изъяснению других вещей приступим, сказать о начале Грамматики, поелику она больше имеет важности, нежели всех свободных наук знание: понеже она всех прочих единственным есть основанием, и имя свое получила от писмен: ибо греческое слово *граница*, письма или буквою называется» (*Полидор Виргилий Урбинский*. О первых изобретателях вещей / Пер. Н. Новикова. М., 1782. Ч. I. С. 41—42).

³⁸ См.: *Рак В. Д.* «Российская грамматика» М. В. Ломоносова и «Письмовник» Н. Г. Курганова // Ломоносов и книга. Л., 1986. С. 124—138.

ствуем».³⁹ Знание грамматики необходимо во всех науках⁴⁰ — эту мысль Курганов выделил как доминантную, взяв ее в эпитаф. Интересно, что в «Письмовнике» нашли отражение передовые знания наук и те области словесного творчества, которые перечислены главным образом в этом эпитафе: просветительской философии, поэзии в образцах разных жанров, риторики, естественных наук и др. Кургановым был составлен даже «Всеобщий чертеж наук и художеств» (присовокупление VI).

Последний эпитаф на оборотной стороне титула «Письмовника» подписан именем еще одного прославленного современника Курганова — Александра Петровича Сумарокова. Хотя Сумароков не был автором «Граматики», его перу принадлежало немаловажное произведение — «Эпистола о стихотворстве» (1747), 11-я и 12-я строки которой предстают в качестве заключительного эпитафа:

*Нельзя чтоб тот себя письмом своим прославил,
Кто грамматических не знает свойств, ни правил.*

В Епистоле II, А. Сумароков.⁴¹

Не мог Курганов обойтись и без примеров из творчества этого поэта: в присовокупление V «Сбор разных стихотворств»,⁴² которое, по верному замечанию В. Д. Рака, является «первой печатной антологией русской поэзии»,⁴³ в большом количестве вошли произведения Сумарокова, иллюстрирующие жанры лирики: эпистолу, притчу, мадригал, станс, эпитафму и др.

Курганов очень последователен в выборе эпитафов для «Письмовника». Если в каждом из них выделить главное, то получатся следующие тезисы: 1) без грамматики невозможно

³⁹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 392.

⁴⁰ О важности изучения правил грамматики Ломоносов заявлял также в «Кратком руководстве к красноречию» или «Риторике», во время работы над которой у Ломоносова и возникло намерение написать «Российскую грамматику»: «Особливо для того выдаю на свет, что уже Риторика есть, а без Граматики разуметь трудно» (см.: Там же. С. 844).

⁴¹ Ломоносов в «Риторике» (1748 г., § 165) также заявлял, что «чистота штиля» зависит прежде всего «от основательного знания языка», чему «способствует прилежное изучение правил грамматических» (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 236).

⁴² В первом и во втором изданиях — «Сбор разных стихотворств».

⁴³ Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 : (К—П) / Отв. ред. А. М. Панченко. СПб., 1999. С. 172. В этом присовокуплении напечатаны также произведения М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, М. М. Хераскова, А. А. Ржевского, А. И. Дубровского, М. И. Попова и др. См.: Хамицаева О. А. «Сбор разных стихотворств» Н. Г. Курганова // Проблемы изучения художественного произведения : Тез. докл. М., 1968. Ч. 1. С. 82—83.

изъясняться, говорить; 2) невозможно писать и читать; 3) грамматика — главная из наук; 4) без грамматики нет других наук; 5) без нее не добиться успехов в письменном творчестве. Таким образом, эпитафы охватывают все основные направления в реализации полученных по грамматике знаний. Однако главное из них, к которому подводит Курганов, — это литературная деятельность или какой-то писательский, авторский труд, о чем он говорит (следом за эпитафами) и в «Приношении общем» «благочестивому читателю» от лица «нашему благонаравно доброжелателя»: «Писатели не тщеславием, но добродетелью побужденные, имеют по возможности упражняться в полезных делах и отечеству своему жертвовать плодами оных. <...> за щастие себе почитает, естли он нам как любителям словесных наук и всем нашим одноземцам между прочим и сею маловажностью услужить может. Главное мое намерение и желание состоит в том, чтоб вы сею книгою благоприятно пользовались».⁴⁴ Это желание составителя «Письмовника» воплотилось также в многочисленных пособиях по навигации, морской тактике, приморской фортификации и береговой обороне, по астрономии, арифметике, геометрии и тригонометрии, явившихся плодами его самостоятельного или переводческого труда как до, так и после создания книги о грамматике. При этом все его учебники отличались содержательностью, логической стройностью и доходчивостью изложения материала. «Письмовник» — первый и единственный труд Курганова по языковой дисциплине — стал доказательством прекрасного владения им грамматической наукой. К тому же именно эта книга прославила его имя на всю Россию и на многие десятилетия.

«Письмовник», аккумулировавший знания предшествующих «Грамматик», открывали имена авторитетов древности и современности. Такое обилие эпитафов (шесть, не считая первого варианта главного эпитафа на латинском языке) для произведения русской литературы конца 1760-х гг. — явление, можно сказать, уникальное. Конечно, эпитаф иногда появлялся в разного рода учебных пособиях.⁴⁵ Однако необходимо учитывать и опыт использования эпитафов в литературной среде. Яркой приметой того времени стали сатирические журналы, где эпитаф стал

⁴⁴ Курганов Н. Г. Книга Письмовника... С. <I>.

⁴⁵ Например, среди учебников морской тематики в Амстердаме в 1701 г. была издана «Книга учащая морскому правлению, юже издаде шхиперский мастер и учитель Аврам де Граф, аже по указу Великого Государя <...>. С латинского языка переведена на славенороссийский <...> Ильею Копьевым», на обороте титула имела надпись: «Сходящии в море в Кораблях творящии делания в водах многих, тии видеша дела Господня и чудеса Его во глубине. Псал. 106» (106: 23—24).

частым и довольно значимым, как в случае с «Трутнем», элементом.⁴⁶ Этот пример не мог пройти мимо Курганова. «Письмовник» был «ориентирован» на такие журналы: по мнению В. Д. Рака, «в «Письмовнике» явственно проступает сатирическая струя»,⁴⁷ что выражалось в высмеивании явлений, являющихся объектами и в сатирических журналах. Наставительный тон, заданный эпитафиями о серьезной и весьма востребованной науке грамматике, постепенно «смягчался» шванками, фациями, переводными афоризмами, анекдотами, «разговорами» и др. Наверняка не случайно Курганов поместил среди «грамматических» эпитафий один «поэтический»: он отозвался на заметное литературное событие (обильное появление сатирических журналов) сумароковским эпитафием, тем самым подчеркивая современность и актуальность своего труда. Назидательный оттенок позволил включить эти строки из «Эпистолы о стихотворстве» в общий и без того внушительный список эпитафий. Вообще, подобное изречение среди эпитафий к учебным пособиям того времени является новаторским, так как его источником послужил литературный текст, а не библейский или обучающий той или иной науке.

К еще одному фактору, несомненно повлиявшему на появление эпитафий, можно отнести работу над переводами книг по морскому и навигатскому делу, европейские авторы которых активно пользовались такими надписями перед произведением.

Эпитафии «Письмовника» явились первым опытом Курганова, и в скором времени этот структурный компонент превратился в его излюбленный прием. Некими предвестниками эпитафий можно условно считать две большие цитаты о пользе геометрии из Платона («в VII книге его республики») и Плутарха («в восьмой книге вопросов»), которые завершают «Предупреждение» «Генеральной геометрии» (СПб., 1765). Выдержки значительных представителей той или иной науки Курганов научился применять

⁴⁶ В 1769 г. появляется несколько еженедельных журналов: «И то и сьо» М. Д. Чулкова с эпитафией «Concordia res parvae crescent, discordia magna dilabuntur» («От согласия малые вещи позрастают, а от несогласия и великие разрушаются!»), «Поденьшина или ежедневные издания» В. В. Тузова с эпитафией «Labor omnia vincit. Improbus et duris urgens in rebus egestas. Virg.» («Трудами все преодолевается. Неприятен и к трудным вещам понуждает недостаток. Вирг.»). 1 мая 1769 г. начал свое существование журнал Н. И. Новикова «Трутень», в котором эпитафия «Они работают, а вы их труд ядите. Г-н Сумар<оков> в XLIII притче первой книги» через два месяца из-за цензурных нареканий пришлось заменить на другой: «Опасно наставлень строго, / Где зверства и безумства много. Прит<чи> г<осподина> Сумар<окова>». Подчеркнем, что оба эпитафия — сумароковские строки.

⁴⁷ Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 173.

по-новому, что впервые стало постоянной чертой, отличающей его учебники и переводы.

«Универсальная арифметика» (СПб., 1757) Курганова не имела эпиграфа, зато ее второе издание, вышедшее через два года после «Письмовника», «Новая арифметика, или Числословие, содержащее в себе все правила цыфирного вычисления ...» (1771), отличалось объемным эпиграфом:

*Прииме юне, премудрости цветы,
Разумных наук обтечая верты.
Арифметике любезно учися,
В ней разных правил и действ придержиися.
Ибо в гражданстве к делам есть потребно,
Лечити твой ум, аще числит вредно.
Та пути в небе, решит и на море,
Еще на войне, полезна и в поле.
Обще всем людем образ дает знати,
Дабы исправно в размерах ступати.
О ней ты цвети как крин благовонный,
Равно и к иным наукам будь охотный.*

Л. Магницкой. 1703 года

Это стихотворное обращение к юному ученику, специально для своей «Арифметики» сочиненное Магницким, было напечатано на обороте заглавного листа под рисунком, изображающим пышно цветущий куст и двух юношей, держащих в руках ветви с цветами. На виньетке рисунка строки: «Тако цветет человек, яко цвет селный» («Так цветет человек, как цвет полевой»). Здесь переосмыслены знаменитые слова царя Давида: «Человек, яко трава дни его, яко цвет селный, тако оцветет» (Дни человека — как трава; как цвет полевой, так оцветет; Псалтирь, 102:15). Важно отметить, что у Магницкого «цветет» грамотный человек, что является своеобразным ответом некоторым церковным деятелям, запрещавшим изучение наук, в частности математики.

Во втором издании «Арифметики», вышедшем с некоторыми исключениями и пополнениями, Курганов оставил «только все надлежащее до цыфирного счисления и, расположа в лучшем для наставления юношества (курсив мой. — И. К.) порядке и объяснении», «старался содержащиеся в ней арифметические правила представить всякому читателю яснее и вразумительнее». На роль эпиграфа, обозначившего приоритетное направление книги, как нельзя лучше подошло посвящение-наставление Магницкого. Эпиграф сохранился и в третьем издании: «Арифметика, или Числовник, содержащий в себе все правила цыфирного вычисления...» (СПб., 1776).

Переводы сочинений морской тематики, искусно выполненные Николаем Гавриловичем, долгое время были востребованы в навигатских школах и военно-морских учебных заведениях. Ряд таких работ украшены эпитафиями. В 1773 г. появляется книга «О точности морского пути, или Искусство, как измерять на море ход корабля и описание о вооружении французских военных судов, с прибавлением о теории правления кораблем». Это перевод с французского языка «L'art de mesurer sur mer le sillage d'un vaisseau» (Paris, 1750; «О правлении кораблем, или Искусство, как чинить всякие корабледвижения»⁴⁸) Александра Саверьена (Alexandre Julien Savérien). Курганов дает на обороте титула тот же эпитаф, что и на титульном листе оригинала, а следом его перевод (у Саверьена перевод латинской фразы на французский язык отсутствовал):

Cumque procul cursum navigii videris, non dubitare, quin id ratione atque arte moveatur. Cic. d. Nat. deo.

То есть:

Когда видишь в море далеке корабль плывущий, не сомневайся, чтоб оный там не был управляем разумом и искусством. Циц. <ерон> о прир. <оде> богов.

Эти строки действительно встречаются в трактате Цицерона «О природе богов» («De natura deorum»; 2 кн., 87).⁴⁹ В том, что они переведены Кургановым, сомневаться вряд ли приходится.⁵⁰ Слова эпитафа, выхваченные из контекста, начинают жить в новом художественном пространстве, теряя в данном случае соотнесенность с содержанием философского трактата. Они обретают

⁴⁸ Такой перевод названия дан в предисловии Курганова.

⁴⁹ В этой части трактата, направленного против типичных для античного мира суеверий, ставится вопрос о разумности и целесообразности мирового порядка с применением эстетически совершенных аналогий. Цицерон защищает тезис: мир разумен и прекрасен. Ниже дается современный перевод контекста фразы: «Ведь если то, что создала природа, лучше, чем произведения искусства, а искусство ничего не создает без участия разума, то должно считать, что и природа также не лишена разума. Когда ты смотришь на статую или нарисованную картину, то знаешь, что в этом было применено искусство; когда издали видишь плывущее судно, не сомневаешься, что оно движется благодаря разуму и искусству; когда наблюдаешь солнечные или водяные часы, понимаешь, что они показывают время не случайно, а благодаря искусству. А мир, включающий в себя и эти самые произведения искусства, и их создателей, и все вообще, что же, ты считаешь, лишен разума и рассудка?» (Цицерон. Философские трактаты / Пер. М. И. Рижского. М., 1985. С. 129).

⁵⁰ Через несколько лет появился полный перевод трактата, выполненный Г. Колековым («Цицерона Марка Туллия о естестве богов. Три книги». СПб., 1779).

реальный практический смысл, о чем свидетельствует следующее утверждение из «Письма к мореплавателям», предваряющего основной текст: «Искусство мореплавания есть всех труднее», и «в оном надлежит упражняться людям превосходным в разуме и крепкого сложения», «для моря требуется великое знание от тех, кои осмеливаются верить себя оному».

Следом за книгой «О точности морского пути» издается «Наука морская, сиречь опыт о теории и практике управления кораблем и флотом военным, что с французской книги перевел с присовокуплением к тому многих потребных изъяснений и действий издал Николай Курганов, майор и математических и навигационных наук профессор» (СПб., 1774). Этот «многострадальный» перевод пособия Ж. Бурде де Вильгюе (*Bourdé de Villehuet. Le manoeuvrier, ou Essai sur la théorie et la pratique des mouvements du navire et des évolutions navales. Paris, 1765*) должен был выйти в свет намного раньше. Книгу пришлось переводить второй раз, поскольку, как отмечено в сноске «Курганова уведомления повестного», «первого перевода лишился я (и с домишком моим в 16 линии от Невы пятым, в коем состояло все мое богатство, нажитое праведными моими трудами в 30-тилетнюю мою службу отечеству) от презельного пожара, бывшего 1771 года мая 23 дня в 1 часу вечера при ясном небе и крепком ветре от ОНО».

На титуле стоял эпитаф, занимавший такое же место и на книге Бурде де Вильгюе:

Hoc opus, hic labor est. Virg. Aeneid.

Это цитата из «Энеиды» Вергилия (VI, 128—129): «Вот что труднее всего».⁵¹ На оборот же титульного листа Курганов самостоятельно поместил две цитаты, отделенные друг от друга чертой:

Государя, не имеющие морского флота, суть об одной руке, а имеющие оной, с обеими.

в предисл. устава морского.

*Cet importance utile au Commerce à la Guerre,
va chercher nos besoins aux deux bouts de la Terre.*

Первый кургановский эпитаф «Опыта о теории и практике управления кораблем и Флотом военным» точно указывал на несколько важных моментов: во-первых, Морской устав («Кни-

⁵¹ Публий Вергилий Марон. Собр. соч. Энеида / Пер. С. Ошерова; Под ред. Ф. Петровского. СПб., 1994. С. 222.

га устав морской. О всем, что касается к доброму управлению, в бытности флота на море...», 1720) был написан при непосредственном участии Петра Первого; во-вторых, при Петре Россия превратилась в морскую державу; в-третьих, манифест императора, откуда взяты эти строки, выражал основной принцип военной науки как прошлых лет, так и настоящего времени — единство армии и флота. При сравнении цитаты с соответствующей частью предисловия документа обнаруживаются существенные различия: «И понеже сие дело необходимое есть государству (по оной пословице: «Всякий потентат,⁵² который едино войско сухопутное имеет — одну руку имеет. А который и флот имеет — обе руки имеет»), того ради сей воинский устав учиним, дабы всякий знал свою должность и неведением никто не оправдывался». Курганов, следуя тематике книги, упростил выведенный в пословице принцип единства, ставший одной из крылатых фраз Петра I, вовсе не упомянув о сухопутных войсках, и заменил латинское «потентат» на более понятное и привычное всем «государя». Вероятнее всего, профессор математических и навигационных наук воспроизвел фразу по памяти, передав ее общий смысл. Переводчик ощущал себя последователем великого дела, начатого первым императором; поставив перед «Наукой морской» эпитафию из «Морского устава», он обращал внимание на важность содержания книги: мало иметь флот, им надо уметь управлять. Перевод был принят как руководство в Морском корпусе и был весьма популярен среди командного состава русского флота.⁵³

Смысл французской фразы затемнен грамматическими ошибками, которые затрудняют однозначный перевод и определение источника второго эпитафия. Можно дать лишь приблизительный перевод: «Сия важность, для торговли <и> войны полезная, отправиться искать наших нужд на обоих концах Земли». В эпитафии отмечена несомненная польза «исправности кораблевождения» (с. <XX>, «Уведомление повестное») не только для военного флота, но и для торгового. Кроме того, подчеркнуты огромные возможности, открывающиеся перед государствами, имеющими профессионально подготовленные в этой области кадры.

Вообще, нужно отметить непрестанное стремление Курганова к распространению просвещения, ко всему новому, новаторскому, что дает наука, в первую очередь европейская. Например, об этой

⁵² Потентат (*лат.*) — правитель, властитель.

⁵³ Многие из учеников профессора Курганова стали впоследствии выдающимися деятелями морского флота, знаменитыми флотоводцами (Ф. Ф. Беллинггаузен, И. Ф. Крузенштерн, В. М. Головнин, Ю. Ф. Лисянский, Д. Н. Сенявин, Ф. Ф. Ушаков и др.).

книге Бурде де Вильгюе он в «Повестном уведомлении» писал: «В ней все теоретические и практические предложения описаны основательно и доказаны простою геометриею. А на английском таковых книг нет» (с. <XXV>). И еще: «Доныне о многих их (мореплавателей. — И. К.) делах в ней (книге. — И. К.) находящихся <...> не писано на нашем языке. И тако имею щастие определенных и желающих обучаться сей науке россиян поздравить, что они, имея ныне такую же книгу на своем языке, которая и у французов, древнейших мореплавателей, почитается за новейшую, да еще с помянутым прибавлением,⁵⁴ могут получать желаемое свое с малым трудом и с большим основанием и совершенством нежели прежде» (с. <XXVII>). Свою же деятельность характеризовал так: «Яже яко не наемник, что могу, то издаю» (с. <XXVIII>). Осуществленные Кургановым переводы, составленные к ним обширные дополнения помогают оценить вклад ученого в развитие морской науки в России еще более полно.

«Книга Морской инженер, то есть теория и практика о укреплении напольных и приморских мест: о защищении флотов во укрепленных гаванях, и о бывших знатнейших атаках многих портов с присовокуплением науки о перспективе, о напасти и обороне разных крепостей и словаря инженерного»⁵⁵ (СПб., 1777) является самостоятельным плодом творчества Курганова и открывается на первый взгляд неожиданным эпиграфом: «*Взбранной воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная востисуем ти раби твои, Богородице: но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем ти: радуйся Невесто неневестная. Повесть о сем в Триодионе лист 615*».

Триодион — это богослужебный гимнографический сборник, содержащий песнопения о днях с начала до конца церковного года. Пение Акафиста Божией Матери в составе богослужения допускается только один раз в году — в субботу пятой седмицы Великого поста (поется накануне). В пятницу вечером совершается торжественная служба Похвалы Пресвятой Богородицы. Исторически этот праздник связан с защитой Константинополя, когда греки, помощью и заступлением Богородицы, одержали победу над скифскими и персидскими войсками, осаждавшими город.⁵⁶ Акафист читывается в четыре приема, каждый из

⁵⁴ Кургановым был составлен «Словарь морской» и помещен как дополнение к переводу «Науки морской».

⁵⁵ У книги есть и второе название: «Книга о науке военной, содержащая в себе умозрение и деяние о укреплении всяких полевых и приморских мест...».

⁵⁶ Эта победа считается чудоподобной: ночью, когда соединенные силы агарян и персов с моря и с суши двинулись на город, внезапно восстала страшная буря, которая рассеяла и потопила суда нападавших. Остальные враги со

которых начинается и оканчивается пением первого кондака, который и представлен в эпиграфе. Акафист читается и в другие дни и завершается краткой молитвой к Заступнице Небесной о том, чтобы Она спасла христиан от бед и напастей, избавив от врагов видимых и невидимых. Курганов несомненно знал об истории появления этого акафиста, о его особой торжественности и важности. Таким образом, это молитвенное обращение нельзя назвать случайным в военно-морском пособии, повествующем об укреплении гавани и о «напасти и обороне разных крепостей» и портов. Но, учитывая все же практическую и обучающую направленность книги, улавливается авторский намек, который можно сформулировать при помощи известной поговорки: «На Бога надейся, а сам не плошай».

Опыт использования эпиграфа у Курганова весьма показательен: он как переводчик, переняв некоторые приемы эпиграфирования из европейской традиции, развивал их на русской почве. В то же время как автор и составитель учебников, осознавая в первую очередь дидактическую сторону этого компонента текста, уделяя ему особое внимание. Иногда это находило выражение в объеме эпиграфа или их количестве, чем подчеркивалась особая значимость предмета изложения. Идея употребления изречений в качестве обозначения преемственности в изучении той или иной науки пришла Курганову во время написания «Письмовника» и прижилась в дальнейших трудах. Переводные произведения сопровождалась «родными» эпиграфами из оригиналов, а добавленные педагогом-просветителем эпиграфы свидетельствовали об осмыслении французских учебных пособий как остро востребованных для русской морской школы.

стыдом бежали. Тогда во всю эту ночь благодарный народ, пребывавший во Влахернском храме Константинополя, возгласил Заступнице града победную, всенощную и неседальную (акафист, греч. букв. *неседальный*) песнь: «Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписуем Ти раби Твои, Богородице!». С того времени (IX в.), в воспоминание столь великого чуда, Православная церковь постановила празднество Похвалы Пресвятой Богородицы. Сначала праздник акафиста совершался во Влахернском храме, где хранились чудотворная икона Божией Матери и священные предметы земной ее жизни — риза и пояс; но позднее праздник был внесен в типиконы (уставы) монастырей святого Саввы Студийского и потом в церковные богослужебные книги и с того времени сделался общим для всей Восточной церкви.